

III

Е.Л.Березович

Семантическая типология русских топонимов: проблемы, возможности, перспективы

Задача идеографического описания лексических единиц осознается в современной русистике как актуальная и перспективная. Наряду с осуществлением попыток по созданию идеографических словарей русского литературного языка¹, ведутся работы в области диалектной идеографии². Если идеография апеллятивной лексики вошла в арсенал лингвистической науки (хотя нерешенных проблем в этой области очень много), то сфера ономастической идеографии освоена пока явно недостаточно. Не случайно идеография (семантическая типология) даже не упомянута в главе «Методы и приемы исследования ономастического материала» монографии «Теория и методика ономастических исследований»³. Здесь следует оговориться: идеография не может быть приравнена к тематическим классификациям, которые весьма распространены в работах по ономастике⁴. Можно выделить определенные различия

¹ Ср., напр.: *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. 4166 статей. М., 1995. 820 с.

² *Белякова С.М.* О диалектном идеографическом словаре // *Русские говоры Коми ССР и сопредельных областей*. Сыктывкар, 1990. С.127–132; *Востриков О.В.* Идеографический словарь русских говоров Среднего Урала // *Уральский лексикографический сборник*. Свердловск, 1989. С.4–17; *Попов И.А.* К проблеме идеографического словаря русских народных говоров // *Междунар. симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: Тез. докл.* М., 1984. С.138–139; *Раков Г.А.* О диалектном идеографическом словаре // *Сибирские русские говоры*. Томск. 1984. С.147–152.

³ *Теория и методика ономастических исследований*. М., 1986. С.198–214.

⁴ Описание классификаций такого рода см. в работах: *Черняховская Е.М.* История разработки топонимических классификаций // *Развитие методов топонимических исследований*. М., 1970. С.55–65; *Топоров В.Н.* К проблеме классификации в топонимии // *Исследования по структурной типологии*. М., 1963. С.226–231; *Рудных А.И.* Семантические модели в гидронимике // *Вопр. топонимистики*. Свердловск, 1972. Вып. 6. С.35–75.

между этими двумя исследовательскими жанрами. Во-первых, семантическая типология предполагает иерархичность понятийной сетки, на которую накладывается ономастический континуум, в то время как рубрики тематической классификации обычно находятся на одной понятийной «горизонтالي»; иерархичность призвана обеспечить лучшую сопоставимость семантических типологий различных ономастиконов. Во-вторых, при осуществлении тематических классификаций работа ведется с апеллятивами, лежащими в основе названия, а при создании семантической типологии берется курс на учет (по мере возможности) ономастического значения имени. К примеру, топонимы, образованные от апеллятива *курица* (типа *Куричий Ручей*, *Куриный Брод*), могут быть помещены в классификационную рубрику «Фауна» (наряду с *медвежьими*, *лисьими* и т.п. названиями), однако учет специфики топонимической семантики позволяет интерпретировать *куриные* названия в связи с признаками «близкий к деревне», «мелкий».

Прежде чем приступить к анализу проблем семантической типологии топонимов, оговорим вопросы терминологии. Безусловно, существует некоторое терминологическое противоречие в том, что в сфере топонимической идеографии происходит смешение семасиологических и ономасиологических единиц анализа. К первым относятся термины *идеография*, *семантическая типология*, ко вторым – *принцип номинации*. Такое противоречие было бы недопустимо при работе с нарицательной лексикой, где основной единицей анализа (сугубо семасиологического) является понятие. Что касается имен собственных, то перенесение этой единицы анализа в их сферу недопустим. Лингвистически наиболее значимой частью того ментального комплекса, который можно считать семантикой имени, является мотивировочный признак, обращающийся внутренней формой готового имени. Отсюда использование ономасиологических единиц анализа при составлении семантической типологии топонимов.

Попытки создания семантических типологий топонимов предпринимались как в рамках специально посвященных этой проблеме исследований⁵, так и в ходе комплексного изучения топонимии какого-либо

⁵ Овчар Н.В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов Русского Севера //Номинация в ономастике. Свердловск, 1991. С.60–75; Фомин А.А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1985. 196 с.

региона⁶. Весьма популярна у исследователей типологическая схема, предложенная Н.Б. Ковалевой⁷. В соответствии с этой схемой выделяются 3 принципа номинации: 1) номинация по связи объекта с человеком; 2) номинация объекта по отношению его к окружающим объектам; 3) номинация объекта по его собственным свойствам и качествам⁸. Классификация Н.Б. Ковалевой применяется к тем случаям, когда географический объект осмысливается в связи с его реальными параметрами. Однако номинативная деятельность знает многочисленные примеры номинаций, не мотивированных свойствами объекта; в связи с этим М.Э. Рут предлагает противопоставить отобъектно-мотивированным номинациям отсубъектно- и отадресатно-мотивированные номинации, а также собственно немотивированные номинации, или условные⁹. Данное противопоставление представляется справедливым и имеет несомненное значение для построения типологии номинаций (добавим, что, возможно, есть смысл также выделить номинации «от другого названия», т.е. случаи, когда номинативная единица «наведена» исключительно связями в номинативной системе¹⁰). В то же время в традицион-

⁶ См., напр.: *Иванова Е.Э.* Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993. С.72–123; *Кабинина Н.В.* Топонимия дельты Северной Двины: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. С. 37–66; *Смирнов О.В.* Русская топонимия северной части Горнозаводского Урала: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997. С.14–24; *Чернышова Н.В.* Русская оронимия Алтая в аспекте номинации: Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1988. С.134–149.

⁷ *Ковалёва Н.Б.* К вопросу о принципах номинации в топонимике (на материале топонимики бассейна р. Ини) // *Вопр. топонимистики*. Свердловск, 1971. Вып. 5. С.133–136; *Она же.* Принципы номинации топонимов бассейна р. Ини (Западная Сибирь) // *Вопр. русского языка и его говоров*. Томск, 1976. С.11–17.

⁸ Отметим, что данная схема отнюдь не является единственной, ср., например, типологическую схему, используемую в работах О.Т. Молчановой и Л.Г. Гулиевой, которые распределяют топонимический материал по лексико-семантическим группам, сводимым к 5 крупным понятийным зонам (областям, фасетам): I. Человек; II. То, что можно ощутить, воспринять, запомнить, осознать; III. Фауна и все, что с ней непосредственно связано; IV. Флора и все, что с ней непосредственно связано; V. Неорганический мир, вещества. См.: *Гулиева Л.Г.* Типология семантической структуры топонимиконных разносистемных языков: (На материале топонимии Азербайджана). Баку, 1990. С.44; *Молчанова О.Т.* Лексико-семантическая структура тюркского ономастикона Алтая // *Тюркская ономастика*. Алма-Ата, 1984. С.150.

⁹ *Рут М.Э.* Образная номинация в русском языке. Екатеринбург, 1992. С.21.

¹⁰ См.: *Березович Е.Л.* Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // *Номинация в ономастике*. Свердловск, 1991. С. 86; *Березович Е.Л.* Топонимический контекст и проблемы семантической интерпретации топонимов // *Этимологические исследования*. Екатеринбург, 1991. Вып. 5. С. 146–147.

ной топонимии подавляющее большинство имен являются отобъектно-мотивированными, поэтому для составления семантической типологии русских топонимов есть смысл прежде всего рассмотреть *принципы отобъектной номинации*. Таким образом, не касаясь глобального вопроса о типологии номинаций, обратимся к типологической схеме Н.Б. Ковалевой (тем более что проблемы, связанные с этой схемой, возникают и при анализе других типологических сеток), поставив вопросы: не допускает ли эта схема возможности неоднозначных толкований? охватывает ли она все многообразие реальных топониминаций?

Работоспособная схема призвана обеспечивать возможность более или менее однозначного отнесения названий к тому или иному классификационному типу. В этой связи возникают некоторые трудности.

Во-первых, появляются проблемы при попытке разграничения топонимов второй и третьей группы. Отнесение названий ко второму принципу номинации основано на рассмотрении различных взаимоотношений между объектами, к третьему – на учете собственных свойств объекта. Возникают весьма казуистические вопросы: что понимать под *объектом*? как определить его границы? насколько «однородным» он должен быть? Возьмем, к примеру, реку, берега которой заросли кустарником. Следует ли считать, что это один объект, – или же перед нами два объекта? По мнению Н.В. Подольской, гидронимы типа *Березовая, Ивнянка, Суходрев* являются метонимическими именами, возникшими в результате переноса имени с одного объекта на другой¹¹, – таким образом, эта логика подразумевает наличие в рассматриваемом случае двух объектов и отнесение названия р. *Ивнянка* ко второму номинативному типу. Примерно этой же логики придерживается А.А. Фомин, считающий название оз. *Сосновое* принадлежащим ко второму типу, обосновывая это возможностью рассмотрения бора как отдельного объекта, связь с которым закреплена в названии. В то же время он признает условность такого отнесения, отмечая невозможность четко определить – на признак или на отношение указывают эти названия¹². Степень казуистичности данного вопроса можно увеличить, поставив его так: что делать, допустим, с названием оз. *Камышовое*, если камыш растет не по берегам озера, а непосредственно в нем? как быть с

¹¹ Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988. С. 82.

¹² Фомин А.А. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья. С. 71.

названием бол. *Осиновое*, если осинник произрастает в самом болоте? и вообще: как классифицировать названия «сложных» объектов – заболоченных озер, поросших кустарником болот и т.п.? Н.В. Овчар и Т.В.Чернышова относят «флористические» названия такого рода к третьему принципу номинации (*свойства и качества самого объекта*)¹³, однако, как мы видели выше, данное решение разделяется не всеми исследователями.

По-разному можно рассматривать проблему классифицирования моделей семантической группы «местоположение объекта». По мнению Н.Б. Ковалевой, названия этой группы (*Центральная Улица, Нижние Луга, Третье Поле* и т.п.) должны быть отнесены к третьему типу¹⁴; однако вполне логично было бы включить топонимы такого рода во второй тип: они обладают высокой степенью семантической «релятивности», т. к. в их семантике с необходимостью заложено указание на связь с другими объектами (такими соображениями, очевидно, руководствуются Н.В. Овчар, А.А. Фомин и Т.В. Чернышова¹⁵, которые помещают модели группы «положение в пространстве» во второй номинативный тип).

Во-вторых, неоднозначно может быть решен вопрос об отнесении ряда названий к первому или третьему принципам номинации. Например, топонимы типа поле *Хорошее* [Чаг]¹⁶, пок. *Лучший Нос* [Нянд], руч. *Добрый* [Вель], лес *Баской Яр* [Лен], руч. *Благой* [Пин], лес *Худой Бор* [Кон], ур. *Золотое* [В-Т] и т.п. выражают субъективную *оценку собственных свойств объекта*, данную человеком; при этом, как правило, объект включен в хозяйственную деятельность человека и оценка, заложенная в названии, является в первую очередь оценкой хозяйственной ценности объекта, ср.: пок. *Хорошая* – «травы хорошая была, косить

¹³ Овчар Н.В. Опыт идеографического описания ... С. 63; Чернышова Т.В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации. С.138–139.

¹⁴ Ковалева Н.Б. Принципы номинации топонимов бассейна р.Ини... С. 14.

¹⁵ Овчар Н.В. Опыт идеографического описания ... С.65; Фомин А.А.. Семантическая типология озерных гидронимов Зауралья. С.69–70; Чернышова Т.В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации. С.131–132.

¹⁶ Здесь и далее даются примеры топонимов, извлеченные из картотек Топонимической экспедиции Уральского университета по территориям Русского Севера и Урала. Указываются названия административных районов Архангельской, Вологодской, Костромской и Свердловской областей; в том случае, когда зафиксирован мотивационный контекст, после названия района приводится наименование деревни. Случаи, когда используются другие источники материала, специально оговариваются.

хорошо» [В-Т, Мила], поле *Худые Ручьи* – «на поле том картошку морозом било, ячмень – никогда не рождалось ничего» [Леш, Палуга], оз. *Худое* – «вода светлая, а рыбы нет» [В-Т, Керас], пок. *На Прекрасном* – «гладь такая, косить хорошо» [Карг, Быковская], г. *Золотая Гора* – «хлеб рос такой, что суслоны ставили в 15 снопов» [Он, Нижмозеро], руч. *Нехороший* – «худые пожни на ём» [Вил, Нылога] и др. Таким образом, можно обосновать включение данных названий как в первую группу (отдавая приоритет отражению связи с человеком)¹⁷, так и в третью (предпочитая характеристику свойств объекта)¹⁸. Проблематичность последнего решения усиливается в том случае, когда анализу подвергаются еще более «продвинутые» по шкале эмотивности названия – полоса *Любимая* [Бел], ключ *Любимчик* [Хар], лут *Любимко* [Он], руч. *Любимец* [В-Т], лес *Отрада* [Галич], поле *Нелюбиха* [Хар], поле *Нелюбимец* [Меж], г. *Милая Гора* [Тарн], поле *Дорогуша* [Кон] и т.п. Не менее – если не более – неоднозначна трактовка топонимов, напрямую называющих чувства и эмоции, связанные с объектом (пок. *Тошнота* [Череп], пок. *Радость* [Пин], поле *Прихоть* [Тарн], ур. *Страх* [Кон] etc.), и даже результаты интеллектуальной деятельности человека (бол. *Дума* – «стой перед ним и думай, как перейти» [Выт, Рубеж], пок. *Выдумки* [Кон], пок. *Догадка* – «старик догадался, пни там раскорчевал» [Мез, Петрова]).

Кроме того, существует ряд названий, не называющих и не выражающих эмоции, но характеризующих свойства объекта через действия осваивающего объект человека, например: руч. *Деринога* – «быстро очень течет» [Влгд, Карцево], бол. *Разувай* – «провалишься там, сапог и оставишь в болоте, вот и Разувай» [Баб, Савинское], ур. *Неударьголо-ву* – «там подъем из оврага и сосна росла, не пригнешься – голову ушибешь» [В-Уст, Гора-Семеновская], пок. *Сукомнеушибьте* [Шенк], г. *Опрокидни* – «там угоры, опрокид такой крутой, трудно взобраться» [В-Уст, Пополутково], бол. *Бродяга* – «бродить можно, плутать, как заблудишься» [Кон, Бобровская], пок. *Беззаботная* [Пыщ], уч. р. *Ленивый* – «в этой части Пинегы очень быстрое течение, здесь лениться нель-

¹⁷ Такое решение представлено в работе: Чернышова Т.В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации. С.128–129.

¹⁸ Ср.: Овчар Н.В. Опыт идеографического описания ... С.64; Иванова Е.Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой. С.104; Кабинина Н.В. Топонимия дельты Северной Двины. С. 66.

зя, нужно грести с большой силой, а то проленишься и сядешь на мель» [В-Т, Усть-Вья], полосы в поле *Мученицы* – «а мучились там: длинные очень» [Карг, Нифантовская], бол. *Пьяное* – «на болоте растет багульник, от которого человек пьянеет» [Бел, Глушково], г. *Климкова Банька* – «высокая гора, а бани нет там. Взобраться на ей тяжело» [Влгд, Поповка]. Ономаσιологическим подтверждением модели, по которой образован последний топоним, служат названия крутых гор *Углежогский Пыхтун* и *Бежинский Пыхтун* («чтоб подняться на них, пришлось попытеть») и географический термин *пыхтун* «крутая гора», появившиеся в условной топонимической системе, описанной А.К. Матвеевым¹⁹, ср. наименования расположенных рядом друг с другом крутых перевалов *Пыхтун* и *Кряхтун*²⁰, а также название г. *Парок* [Вель]. Подчеркнем, что здесь номинируются не те свойства, которые *привнесены* деятельностью человека (в этом случае перед нами были бы функциональные топонимы), а *собственные свойства объекта*, рассмотренные через призму действий человека. Отсюда трудности при классифицировании этих топонимов, которые имеют равные шансы быть причисленными к первому и третьему принципам номинации.

Список спорных случаев можно было бы продолжить, однако в этом нет особой необходимости. Неоднозначность классификационных решений приводит к ухудшению и даже потере возможностей сопоставления результатов исследования топонимиконов разных территорий, а значит, неизбежно снижается продуктивность изучения топонимии «больших чисел», дающей выход на общие закономерности организации топонимической семантики. Существует ли возможность унификации различных типологий?

Представляется, что можно было бы снять вопросы, связанные с распределением названий между вторым и третьим принципами номинации (скажем, обосновать целесообразность отнесения моделей *первый, верхний, правый* и т.п. ко второму принципу номинации, а «флористических» названий – к третьему и др.). Однако гораздо труднее работать с первым принципом: при выборе между первым и вторым, первым и третьим принципами номинации практически невозможно

¹⁹ Матвеев А.К. В роли создателя топонимов // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991. С. 23.

²⁰ Князьков В.В., Шпинь П.С. Горы зовут: (Сб. туристских маршрутов по Кузбассу). Кемерово, 1970. С. 72.

обосновать предпочтительность того или иного решения – следует лишь императивно принять одно из них.

Дело в том, что первый принцип выделен на несколько иных логических основаниях, чем второй и третий. *Качество и отношение* – феномены семантики (если понимать семантику как корреляцию «знак : действительность»), а вот *связь с человеком* есть понятие не только семантическое, но и прагматическое, поэтому различные исследователи включают сюда неоднородные параметры (как объективную характеристику отношений собственности, этнической принадлежности жителей и др., так и субъективное выражение чувств и эмоций человека относительно объекта). Иными словами, человек может рассматриваться с разных позиций: объективно – в его реальных бытийных связях с географическим объектом – и как субъект, выражающий свое отношение к тому или иному элементу ландшафта. Более того, антропологический подход к языку заставляет увидеть более или менее явное присутствие человека в самом «объективном» названии, т. к. выбор признака объекта в качестве номинативного всегда субъективно обусловлен²¹, стратегия этого выбора задается именно человеком: к примеру, название поля *Дальнее* имплицитно включает пространственную позицию номинирующего субъекта, топоним *Рыбное Озеро* констатирует факт промысловой ценности объекта для человека и т.п. Итак, если последовательно выдержать прагматическую трактовку такого параметра, как связь с человеком, понимая его в свете взаимодействия субъективных и объективных факторов при номинации, то данный параметр будет переведен в иную плоскость анализа: уйдя от рассмотрения особенностей репрезентации объекта в процессе номинации, мы придем к анализу способов манифестации субъекта в продуктах его номинативной деятельности.

Таким образом, представляется, что данный типологический параметр нуждается в доработке. Прежде чем изложить «позитивную» программу, рассмотрим еще один вопрос, поставленный выше, а именно: охватывается ли названными принципами все многообразие топонимических номинаций?

Думается, что за пределами рассматриваемой типологической схемы остался один весьма раритетный номинативный тип – *ситуативный*. Ситуативные названия (отражающие связанную с объектом ситуа-

²¹ Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. С. 21–22.

цию, событие²²⁾ встречаются в топонимии многих народов – например, в финно-угорской, кавказской, тюркской, ср. факты, отмеченные в литературе: мыс *Салинг-хум-кат-пелум-нёл* ‘мыс, на котором оленевод проколол руку’, г. *Нянька-хайтум-сяхл* ‘гора, где нянька бежала’, камень *Устин-ойка-сяй-айюм-ахатас* ‘камень, на котором старик Устин пил чай’ (манс.)²³⁾; *kārās' iwtāt sātrxāt* ‘яр, где высокий (кто-то) крикнул’, *xq wqšāt lār* ‘озеро, где человек потерялся’ (хант.)²⁴⁾; *Акан-тугантал* ‘тальник, где родился Акан’, *Айшагадойкылган* ‘место, где Айше устроили свадьбу’, *Малахайжогалткан* ‘где тибетейку потеряли’ (казах.)²⁵⁾; ур. *Молдаульген* ‘где умер мулла’, ур. *Байбеккашкан* ‘откуда бежал Байбек’, прк. *Бабайульген* ‘где погиб Бабай’ (казах.)²⁶⁾; *Харарин-мюг* ‘впадина, подвергшаяся градобитию’ (лезг.)²⁷⁾ и др. Распространенность ситуативных наименований в топонимии данных народов вполне закономерна, ср.: «названия, указывающие на какое-либо событие, связаны в большей степени с кочевым бытом в широком смысле этого слова, чем с земледельческим. С другой стороны, эти названия намного шире представлены в тех топонимических системах, для которых характерны глагольные (причастные) конструкции»²⁸⁾. Что касается русской топонимии, то для нее причастные конструкции нетипичны, а глагольные формы являются чаще всего императивными, ср.: ур. *Забегай* [Ирб], поле *Разломинога* [Плес], пок. *Тертигоре* [Хар], ур. *Сядьпокури* [Он], часть д. *Недаймаху* [Плес], мыс *Здравствуй* [Карг], порог *Растягай* [Холм], пок. *Потоскуй* [К-Б]²⁹⁾, луг *Растоскуй* [Шенк]³⁰⁾ и т.п. Неко-

²²⁾ Ср. иное понимание ситуативных названий в работе И.И. Муллонен, которая считает ситуативными те топонимы, в которых отражается географическое положение объекта относительно некоторого центра, принимаемого за точку отсчета (*Муллонен И.И. Очерки вепской топонимии. СПб., 1994. С. 109*).

²³⁾ *Витушкина Л.А.* Глагольные конструкции в мансийской топонимике // *Вопр. топонимастики. Свердловск, 1971. Вып. 5. С. 59*.

²⁴⁾ *Дмитриева Т.Н., Панченко С.В.* Ситуативные названия в топонимии казымских ханты // *Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. С. 169*.

²⁵⁾ *Султаньяев О.А.* Принципы номинации в казахской топонимике Кокчетавской области // *Вопр. топонимастики. Свердловск, 1971. Вып. 5. С. 71*.

²⁶⁾ *Керимбаев Е.А.* Об основных типах оронимов Южного Казахстана // *Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 185*.

²⁷⁾ *Ханмагомедов Х.Л.* Топонимия Дагестана. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения. Красноярск, 1990. С. 16.

²⁸⁾ *Матвеев А.К.* Топонимические древности // *Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 7*.

²⁹⁾ Ср. название д. *Потоскуево* в Каменском районе Свердловской области.

торые из императивных топонимов сравнительно частотны: например, на территории Русского Севера насчитывается 22 названия, образованных от апеллятивов *гуляй* и *разгуляй* (поле *Гуляй-Поле* [Кон], лут *Разгуляй-Бор* [Он], поле *Разгуляй* [Шенк]), ср. географический термин *разгуляй* 'веселое место' [Даль 4, 26]; 25 топонимов созданы на базе апеллятива *голодай* (пос. *Голодай* – «голодали там лесорубы» [Плес, Zubovo], поле *Голодай* [Холм], пок. *Голодай-Остров* [Он]); другие же выглядят весьма экзотично, ср. название острова *Делайчегохочешь* (параллельное наименование – *Остров Любви* [Бел]). Попутно заметим, что императивы являются вполне реальным фактом топонимической системы, поэтому вряд ли стоит считать их «нетиповыми, возникающими окказионально»³¹ (Н.В. Подольская сделала такой вывод на основе анализа малочисленной группы названий – нескольких украинских топонимов типа *Гуляйбалка* и придуманных *Кинь-Грусть*, *Пронеси-господи*). Думается, что модель, «в активе» которой около сотни наименований только на территории двух областей (подсчеты производились нами для Архангельской и Вологодской областей), не следует причислять к окказиональным – хотя, повторимся, некоторые императивы весьма необычны). Однако – несмотря на свою «глагольность» – конструкции такого рода не являются в полном смысле этого слова ситуативными, ибо дают качественную характеристику географического объекта (хотя и субъективированную, отражающую точку зрения эксплуатирующего объект человека): допустим, название *Разломинога* не отражает ситуацию реального перелома ноги, случившегося в этом месте, но обозначает неровное (кочковатое, ухабистое) труднопроходимое урочище; топоним *Голодай* называет поле, дающее плохой урожай, или озеро, бедное рыбой (ср. также приведенные выше топонимы *Деринога*, *Разувай*, *Сукомнеушибьте* и т.п.).

На вопрос о том, есть ли в русской топонимии собственно ситуативные названия, трудно ответить однозначно. «Претендующие» на событийность топонимы можно условно разделить на две группы:

³⁰ Ср. также примеры, приведенные в работе: Витушкина Л.А. Глагольные образования в русской ономастике: Дипл. раб. Свердловск (УрГУ, кафедра русского языка и общего языкознания), 1969. 129 с.

³¹ Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М., 1983. С.15.

- 1) топонимы, отражающие типовую ситуацию, связанную с объектом;
- 2) топонимы, отражающие единичный случай, событие, происшествие.

Рассмотрим названия *первой группы*. Сюда можно включить факты такого рода: о-в *Смена* – «за озеро ехали – у его сменялись» [Выг, Мошниковская], г. *Катальная Гора* – «качели были там и с горы катались» [Бел, Погорелка], руч. *Питейник* [Шенк], руч. *Рукомойка* – «воду там брали, умывались» [Карг, Лохово], лог *Водочерпный Лог* [Вил], поле *Сарафанница* – «раньше молодухи в новых сарафанах ходили пахать, чтобы все их приданое видели» [Плес, Валовы], бол. *Подсочное* – «сосны подсачивали, у сосен живицу добывали» [Лен, Мирный], г. *Молотильный Угор* [Тарн], поле *Хлебокоское* [Он], поле *Трапезница* [В-Т] и т.п. Этот топонимический тип нельзя признать очень активным, но он достаточно устойчив и четко обозначен в русской топонимии; есть в нем и весьма популярные модели – ср. обширную группу топонимов, образованных от апеллятивов со значением «смотреть» (г. *Видон* – «всё видно» [К-Г, Черная], г. *Смотрилка* [Плес], г. *Гляденье* – «высокое местечко, глядеть оттуда интересно было» [В-Т, Мила], поле *Виденье* – «на угоре, так всё с него видно было, потому прозвано было Виденье» [В-Уст, Анциферово], поле *Позориха* – «с него хороший вид был всей местности» [В-Уст, Тарakanово]); названия объектов, где стирают бельё (многочисленные *Портомои*, *Платомои* и проч.); наименования мест, где проводятся игрища, гулянья (лог *Гуляночный Лог* – «гулянья там были» [В-Уст, Горка], поле *Плящая Грива* – «плясали там» [К-Г, Юшково], луг *Игровый* – «раньше там гулянья были» [Ваш, Ильинская], луг *Фестиваль* – «летом-то гуляют» [В-Т, Бор], холм *Шалый Холм* – «у его Петровщины праздновали» [Мез, Дорогорское], пок. *Молодость* – «там молодецвали» [Кон, Гора]); топонимы, обозначающие объекты, связанные с отправлением религиозных культов (ур. *Молитвенный Враг* [Галич], о-в *Молебный* [Бел], полоса *Богомоленная* – «там на середине холм стоял – и на нем перед севом Богу молились» [Нянд, Андреевская], г. *Кланина Гора* – «раньше, как увидят церковь, так и кланялись. Увидят – и помолются. Так и назвали – Кланина Гора» [Кир, Бозино], г. *Поклонная Гора* – «с этой горы церковь была видна, сюда народ молиться ходил» [Бел, Юрино]) и др. Таким образом, названия этой группы, как правило, связаны с обозначением функции объекта. Есть несколько топонимов, которые трудно назвать функциональными: лес *Заблудиха* – «блудятся там

больно» [Влгд, Ильинское], луг *Блудящий* – «там наволок большой да узкий, по реке идешь долго – да снова на то же место придешь. Блудишь там чуть не целый день» [Он, Тамица], о-в леса *Бежное* – «пустое место, обегали его» [Плес, Zubovo] и т.п.

Вторая группа – это собственно событийные названия. Наиболее яркие (но вместе с тем крайне периферийные) факты такого типа представлены составными формами: лес *Где у Коваля Медведь Корову Съел* [Шенк], ур. *Где Бык Утонул* [Котл], пок. *Где Трактор Пал* [Ваш], пок. *Тетка Свалилась* [Хар] и т.п. Эти формы, строго говоря, не являются топонимами (хотя и записаны в ходе опроса информантов в условиях полевого сбора), но представляют собой номинативный материал, на базе которого появляются узальные названия. Ср. наименования, которые можно считать результатом «обкатки», сворачивания составных форм, аналогичным вышеприведенным: лес *Медведериха* – «там медведь задрал лошадь» [В-Уст, Верхняя Шарденьга], оз. *Быково* – «бык утонул» [Шенк, Мальчугинская] и др. Отметим, что событийность, как правило, не отражается во внутренней форме топонима, остается как бы «за кадром» – в мотивировке. При этом «мемориальные» топонимы, запечатлевающие имена людей, с которыми случился несчастный случай (оз. *Илюхино* – «Илюха утонул» [Устюж, Квашнино], скала *Ерёмино* – «Ерёма упал и убился» [Леш, Вожгора], пок. *Марьина Пожня* – «Марья повесилась» [Баб, Старая]), в общей топонимической массе «сливаются» с посессивными названиями; мотив номинации нередко оказывается забытым. Наименования, *напрямую отражающие событийность* во внутренней форме, являются раритетными и нетипичными для русской топонимии (единственная весьма популярная событийная модель представлена топонимами, образованными от апеллятивов *медведь* и *драть*: г. *Медведериха* [Мантур], руч. *Медведерино* [В-Уст], луг *Медведерина* [3 объекта: К-Б; К-Г; Пыш], поле *Медведёрка* – «медведь мужика задрал» [Бабуш, Полудово]), поле *Медведяренья* [Кологр].

Более распространенными следует считать названия, *косвенно отражающие событийность*: пок. *Аннина Награда* – «баба мужикам самогонку поставила – они ей и отмерили побольше» [Гряз, Клепиково], поляна *Коровья Кожа* – «коровы ходили в лес, а там медведь их драл, всё кожа одна и доставалась» [Вель, Федоровская], пок. *Имениница* – «пожня так названа потому, что здесь отелилась одна и та же корова

два года подряд в одно и то же время» [Пин, Кулой], пок. *Кровавый* – «тут косили, и одна прокосила ногу, до дому не донесли, крови много вытекло, умерла» [В-Т, Паленьга], луг *Матюшкина Могила* – «пастух помер на этом лугу» [Ваш, Поповское]. Косвенное отражение событийности заключается в том, что топоним дает только «заголовою», итог события, не подавая его расчлененно (весьма симптоматично в этом плане появление названия пожни *Оказия* с мотивировкой – «спор из-за нее шел, трава была плохая, поделить не могли» [Холм, Подсосанье]: топоним *Оказия* – яркое проявление «заголовочности» событийных названий). Логика характеристики события требует, чтобы были поименованы хотя бы деятель и действие, но это идет вразрез с собственно языковым фактором – структурой русских топонимов. Даже явно претендующая на событийность топонимическая модель, отражающая тяжбы из-за земельных угодий (пок. *Браниха* – «ругались из-за её» [Котл, Приводино], поляна *Браниха* – «может, раньше спорное чего было» [Вил, Ильинско-Подомское], поле *Драчуха* – «скандалили раньше» [Кологр, Хапово], пок. *Спорница* – «старик делили да спорили» [Уст, Бестужево], пок. *Спорный Мыс* – «когда делили покосы по реке, долго спорили, бросили жребий – и этот мыс достался д. Ульяново» [Баб, Пожара], поле *Тяганица* – «тяжба была из-за этой полосы» [Карг, Ворошиловская], пок. *Тяжба* – «захаровцы тянулись с глебовцами из-за этой пожни» [К-Г, Захарово], пок. *Судебник* – «кто-то судился, спорили» [Ваш, Сухоежино], поле *Хлопотово* – «хлопотали, ругались раньше из-за него» [Устюж, Крутец], пок. *Греховодное* – «ругались там из-за пахоты» [Кологр, Глебово]), не характеризует событие, а только называет его. Структура косвенно отражающих событийность топонимов нередко приводит к забвению или переосмыслению их внутренней формы, при котором происходит нивелировка событийности в пользу традиционных для русской топонимии номинативных типов (к примеру, название *Матюшкина Могила* может восприниматься как обозначение места, где находится собственно могила); такая нивелировка – следствие «семантического свертывания событийных названий»³², характерного для русской топонимии (при структурном свертывании данный тип значительно лучше осознавался бы языковым сознанием носителей

³² Матвеев А.К. Топонимические древности. С.7.

топосистемы и активнее проявлял бы себя в номинативной деятельности).

Таким образом, событийные названия, несомненно, присутствуют в русской топонимии, но топонимическая система не обладает достаточными техническими возможностями для того, чтобы произошло ономаσιологическое «самоопределение» этой номинативной группы, вследствие чего наблюдается дисбаланс между номинацией и мотивацией (отсутствие маркеров событийности во внутренней форме топонима при наличии их в мотивировке).

Подведем итоги анализа принципов номинации. При рассмотрении «отобъектной» номинации элементов ландшафта обнаруживается, что массив изучаемых наименований неоднороден в плане отражения в названии взаимодействия объекта и субъекта номинации: названия, функционирующие в традиционной топосистеме, сложившейся в рамках естественной номинации, при всей своей «отобъектности» занимают всё же разное положение на оси *объект – человек*. По этой причине принципы номинации следует выделять на двух уровнях: 1) *собственно объектном*; 2) *объектно-субъектном*. Представляется, что таким образом можно избежать смешения двух разных подходов к воплощению в номинации человека: подхода, при котором человек подается «бытийно», в его реальных взаимоотношениях с окружающим ландшафтом, и подхода, при котором человек предстает как субъект чувства и мысли. Другими словами, в первом случае человек рассматривается извне, «от третьего лица», во втором случае – изнутри, «от первого лица».

На *собственно объектном* уровне выделяются следующие принципы номинации: 1) номинация объекта по его свойствам; 2) номинация объекта по его связям с другими объектами; 3) номинация объекта по характеру его использования человеком (взаимодействия с человеком) – в этот номинативный тип, помимо названий, отражающих отношения собственности, социальный статус эксплуатирующего объект человека и т.п., следует включить также топонимы, называющие типовую ситуацию, связанную с объектом (как уже говорилось, типовая ситуация в большинстве случаев сводится к функции объекта); 4) номинация объекта в связи с событием – данный принцип представлен в русской топонимии преимущественно на мотивационном уровне.

Эти принципы соответствуют таким категориям, как *качество, отношение, функция, событие* (в широком понимании).

На объектно-субъектном уровне функционируют названия, характеризующие объект опосредованно – через призму внутреннего мира человека. Можно говорить о номинации объекта в связи с психической деятельностью человека. Сюда следует включить группы названий, обозначенные выше:

- топонимы, выражающие оценку или эмоцию (оз. Баское, руч. Худой, пок. Золотая Пожня, руч. Любимец, пок. Дорогуша);
- топонимы, называющие эмоции человека в связи с объектом (ур. Страх, пок. Радость);
- топонимы, связанные с обозначением интеллектуальной деятельности человека (бол. Дума).

Названия такого рода характеризуются разной степенью опосредованности – т.е. приближенности/удаленности от объекта. «Шкалирование» этих топонимов на оси объективности/субъективности будет выглядеть примерно так:

Продолжение оси вправо приведет к отрыву от объекта и появлению отсубъектно-мотивированных номинаций, предполагающих «отражение в имени личных черт и пристрастий субъекта»³³. Таким образом, переход от отобъектных номинаций к отсубъектным осуществляется плавно, без «разрывов».

Предлагаемая корректировка типологической схемы Н.Б. Ковалевой, естественно, не решает всех вопросов, связанных с семантической типологией русских топонимов. Другая существенная проблема, о которой писали многие исследователи, – многозначность и омонимичность топонимической лексики, вследствие чего топонимы, созданные на базе одного апеллятива, могут быть занесены в разные типологические рубрики. К примеру, названия, образованные от апеллятивов *зимний*, *зимник*, могут входить как в семантический тип «положение в пространстве», обозначая объекты, расположенные на севере³⁴ (поле *Зимник* – «оно

³³ Рут М.Э. Образная номинация в русском языке. С. 21.

³⁴ Ср.: зима 'север; северо-восток; северо-запад' [СРНГ 11, 272; ТЭ].

с северной стороны» [Плес, Пашевская], руч. *Зимний* – «на север течет» [Пин, Чакола]), так и в семантический тип «сезонность использования объекта» (руч. *Зимний Ручей* – «всё только по зимам по ручью этому ездили, сено вывозили») [Шенк, Чекмаревская], ур. *Зимник* – «там зимник проходит, зимняя дорога» [Котл, Приводино], холм *Зимний* (рядом холм *Летний*) – «зимой заметает один, там не ходят, а по другому ходят» [В-Уст, Рукавишниково]). Любопытна также ситуация с названиями типа *Попадья*, *Попадью* и т.п.: обилие их в севернорусской топонимии заставляет усомниться в том, что все они созданы на базе апеллятива *попадья* в литературном значении (при том, что имеются несомненные факты такого рода, характеризующие как особенности землепользования, так и запавшие в души номинаторов черты внешнего облика попадьи: пок. *Попадья* – «поповская земля там была» [Чаг, Заручевье], смежные луга *Попадья* и *Попов* [Пин], пок. *Попадья* – «как юбка широкая» [Карг, Семеновская], пок. *Попадьюн Лобок* – «высокий сухой горбышок» [Карг, Турова], г. *Попова Брюшина* и г. *Попадьювы Груды* – «Попова Брюшина – такой бугорок, он торчит, как живот, покато таким. А рядом *Попадьювы Груды*, острые, как груды» [Вил, Борок]). Вероятно, некоторые топонимические *попадьи* и близкие к ним формы (например, овраг *Попадья* [В-Т], лог *Попадья* [Вель], лог *Попадейка* [Ник], бол. *Попадейки* [Влг, В-Важ]) связаны с зафиксированным в курских говорах апеллятивом *попадья* «разветвленный глубокий овраг с отвесными стенами»³⁵, который, в свою очередь, образован от глагола *попадать* (в плане словообразования и семантики ср. также другие дериваты глагола *попадать*: *попадейка* «выступ над топкой русской печи»; *попадина* «ровное низкое место среди возвышенности» [СРНГ 29, 295]). Вообще, внешний облик слова *попадья* таит богатейшие возможности для переосмысления и разноплановых мотивационных ходов: вполне допустимо переоформление в *Попадью* названий типа *Попадинка* – «на Попадинке снег растает, так и пахать можно» [Влгд, Новленское].

Итак, в целом ряде случаев необходимо «разносить» по разным группам внешне идентичные названия – только так будет сохранен ономаσιологический пафос исследования. «Расплатой» за стремление придерживаться ономаσιологической линии станет невозможность

³⁵ Яценко А.И. Топонимы и географическая среда // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С.56.

точных подсчетов и полного (без остатка) распределения топонимов по группам, возникающая вследствие того, что мотивировка каждого конкретного названия далеко не всегда становится известной исследователю. Отсюда ясно, что семантическую типологию предпочтительнее осуществлять на полевом материале (собранном в результате комплексного фронтального обследования какой-либо территории), нежели на данных письменных источников. Но даже при работе с полевыми записями семантическая типология топонимов будет носить принципиально *вероятностный характер*. Не следует, конечно, преувеличивать роль этого обстоятельства, т. к. большинство топонимов может быть причислено к тому или иному типу с высокой степенью достоверности. Кроме того, есть шансы в какой-то степени (и даже весьма существенно) уменьшить «погрешность» распределения по группам топонимов, потенциально имеющих несколько мотивировок. Для этого следует учитывать целый ряд факторов:

- *показания языкового сознания носителей топонимической системы* (при этом несущественно, что языковое сознание может представить результат переосмысления первичного мотива номинации: мотивационно-деривационные связи обратимы – мотив, вторичный для данного названия, может стать первичным для другого. Однако определенная корректировка явных случаев народной этимологии должна быть осуществлена);

- *закономерности объективной соотносительности названий* (так, те *Зимники*, которые являются названиями дорог, следует относить к семантическому типу «сезонность использования объекта»);

- *ареал распространения модели* (на территории Русского Севера есть зоны, где северное и южное направление обозначается оппозицией *ночь – полдень*, коррелирующей с оппозицией *зима – лето*. Естественно ожидать, что *зимние* и *летние* топонимы, функционирующие в сфере действия последней модели, выражают пространственные смыслы);

- *данные топонимического «контекста»*, т.е. названий смежных объектов, семантически или структурно соотносительных с данным (топонимические *Попадьи*, которые соседствуют с названиями, образованными от основы *поп*, должны быть соотносены с социальным термином);

- *семантика параллельных названий объекта* (наличие у гидронима *Золотая Речка* параллельного названия *Дарица* [Вил] позволяет

включить его в семантический тип «хозяйственная ценность объекта») и др.

Многофакторный анализ топонимической семантики позволит осуществить возможно более объективное распределение топонимов по семантическим типам и принципам номинации, однако, повторимся, он не сможет в корне изменить вероятностного характера семантической типологии топонимов. Это значит, что названия, образованные от многозначных тополексем, должны быть учтены в разных рубриках семантической типологии, – несмотря на то, что каждый из таких топонимов при своем возникновении реализовывал один определенный мотив. Тем самым в рубрики типологии будут попадать топонимы, которые в каком-то смысле являются «фантомами» (по отношению к реальной истории конкретного географического названия). Выводы о количественной представленности того или иного типа могут быть только приближительными, иметь статус выявления тенденции.

«Тенденциозность» (способность к обнаружению тенденций, закономерностей топонимической номинации) – это важнейшее свойство семантической типологии топонимов, обеспечивающее научную ценность последней. Закономерности номинации могут быть выявлены в разных системах координат:

- по типам объектов;
- по территории распространения;
- по времени появления (об этом можно говорить только в самом общем плане, противопоставляя традиционные модели новым)³⁶.

Выявлением закономерностей такого рода обычно заканчиваются работы по семантической типологии топонимов. Однако результаты этих исследований могут быть проанализированы еще на одном уровне – уровне субъекта номинации. Если предыдущая ступень анализа является *описательной*, то данный уровень в плане общей методологии исследования можно считать *интерпретационным*. Здесь должен быть осуществлен перенос акцентов с характеристики объекта на имплицитно присутствующего в номинативном материале субъекта номинации. За самим «меню» принципов номинации и составляющих их семантических типов и семантических моделей стоит человек, включенный в кон-

³⁶ Ср. плодотворную мысль Н.В. Овчар о необходимости дифференциации топонимических универсалий – полных и неполных (территориально и хронологически ограниченных) [Овчар Н.В. Опыт идеографического описания... С. 74.]

кретный социохронотоп. Таким образом, на этом уровне выявляются закономерности номинативного освоения географического пространства номинатором через призму его перцептивных и мировоззренческих установок. Тем самым может быть осуществлена лингвокультурологическая (этнолингвистическая) интерпретация топонимического материала, ср. суждение В.Н. Телия о необходимости осуществления идеографической параметризации концепта как важнейшем этапе лингвокультурологического анализа³⁷; идеографический подход к изучению культурной коннотации, по мнению автора, предопределен тем, что «языковая картина мира выстраивается не хаотично, а в соответствии со свойствами самих обозначаемых»³⁸. Итак, традиционная работа по составлению семантической типологии топонимов имеет хорошую *этнолингвистическую перспективу*. Проблемы этнолингвистической интерпретации топонимического материала должны быть поставлены в отдельном исследовании; приведем лишь некоторые примеры этого жанра работы с топонимией.

Так, этнолингвистически значим сам факт номинативной оформленности и «самостоятельности» того или иного класса топонимов. Допустим, слабая специфичность номинации лесов (совпадение номинативных моделей для лесов, с одной стороны, – и, с другой стороны, покосов) в топонимиконе определенной территории свидетельствует о земледельческих – но не охотничьих занятиях населения (лес интересует номинатора преимущественно с точки зрения возможности сенокосения)³⁹; ономаσιологическая выделенность наименований перекатов в какой-то конкретной зоне говорит о традиции хозяйственного освоения рек и т.п. Показательна в этнолингвистическом плане и преимущественная активность одних моделей по сравнению с другими. Например, популярность моделей, являющихся в известном смысле слова «дейктическими» и предполагающих наличие закрепленной точки отсчета (*ближний – дальний, передний – задний* и др.), и раритетность названий, связанных с изменением точки отсчета (*правый – левый*), подтверждает тезис о «радиальном» характере восприятия пространства

³⁷ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 261.

³⁸ Там же. С. 260.

³⁹ Такое совпадение можно объяснить, однако, и тем, что на месте заброшенных покосов нередко нарастает лес, а названия остаются прежними.

русским крестьянином. Этнолингвистическую информацию можно извлечь из факта представленности разных по своему когнитивному генезису моделей в одной рубрике семантической типологии: сочетание собственно пространственных и непространственных по своей исходной семантике маркеров в семантическом типе «положение в пространстве» свидетельствует о способности субъекта картировать пространство через призму непространственных категорий (погодных условий, ритуальных действий и т.п.).

Семантическая типология весьма продуктивна не только в этнолингвистическом плане, но и при осуществлении *этимологизации и семантической реконструкции* топонимов. Приведем примеры такого рода, базируясь на тех топонимических рядах, которые были отмечены выше. Например, при интерпретации названий типа пок. *Содом* [М-Реч], пок. *Содомиха* [К-Г], полосы *Содома* [Уст] необходимо учесть рус. диал. *содомить* 'шуметь; ругаться' [ЛК ТЭ], а также обширный ряд топонимов, отражающих тяжбы из-за земельных угодий (*Браниха, Спорница, Судебное* и т.п.). Для этимологизации названия г. *Рачень* [Бел] следует привлечь рус. диал. *рачить* 'смотреть, высматривать', *рачки, рачилы* 'выгаращенные глаза' [ЛК ТЭ], восстановив мотивирующий смысл 'место, откуда можно обозреть местность', ср. группу обозначений возвышенных мест с аналогичной мотивировкой – *Гляден, Видон, Смотрилка, Позориха* и т.п.

Итак, создание семантической типологии топонимов представляется одной из наиболее важных задач топонимастики. Данная работа актуальна как для построения общей теории имени собственного, так и для осуществления этнолингвистического и этимологического аспектов топонимического исследования.

И.В.Родионова

Центральная субъектная оппозиция христианства в народной языковой картине мира: опыт верификации (на материале русских народных говоров)

Субъектно-образная система христианской традиции имеет – в своем каноническом (православном) варианте – достаточно четкую организацию, основывающуюся на принципе оппозиitarности. «Положительный» полюс создается прежде всего такими агенсами, как *Бог, Иисус Христос, Богородица, ангелы, святые*; «отрицательный»,